

УДК 334.9:947.084.6(571.5)

С.Т. Гайдин, Г.А. Бурмакина

СОЗДАНИЕ И ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ОХОТНИЧЬИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И СИСТЕМЫ ЗАГОТОВКИ ПУШНИНЫ В СИБИРИ В 1917–1940 гг. (НА ПРИМЕРЕ ПРИЕНИСЕЙСКОГО РЕГИОНА)

В статье рассмотрена история организаций охотников и складывание системы заготовки пушнины в Сибири в 1917–1940 гг. на примере Приенисейского региона.

Ключевые слова: *Всероссийский производственный союз охотников, Сибирское управление по делам охоты, Енисейский губернский союз охотников, Всероссийский кооперативно-производственный союз охотников, охотничьи колхозы, Красноярская товарная база по заготовке пушнины.*

S.T. Gaydin, G.A. Burmakina

THE FORMATION AND TRANSFORMATION OF THE HUNTING ORGANIZATIONS AND FUR PROCUREMENT SYSTEM IN SIBERIA IN 1917–1940 (ON THE EXAMPLE OF PRIYENISEYSKIY REGION)

The history of hunters' organizations and the fur procurement system formation in Siberia in 1917-1940 on the example of Priyeniseyskiy Region are considered in the article.

Key words: *The All-Russia production union of hunters, the Siberian administration for hunting, the Yenisei provincial union of hunters, the All-Russia cooperative and production union of hunters, hunting collective farms, Krasnoyarsk commodity base for furs procurement.*

Революции сопровождаются радикальной ломкой традиционных форм организации жизни и деятельности. Осенью 1917 г. в Петрограде, в противовес распространенным в стране обществам правильной охоты, был создан пролетарский городской союз охотников, а в марте 1919 г., в разгар Гражданской войны, был учрежден Всероссийский союз охотников. В него вошли около 300 местных отделений, объединявших около 70000 охотников [1]. В основу новых охотничьих организаций был положен классовый принцип создания особой пролетарской системы, диаметрально противоположной предшествующей буржуазной.

На местах в этот период начался поиск оптимальной с точки зрения «революционных представлений» модели организации, объединяющей охотников. В 1920 г. в Енисейской губернии были созданы Красноярское городское общество трудовой охоты, Погорельский и Шилинский поселковые союзы охотников. Проект устава «Общества трудовой охоты» исходил из того, что целью общества является ведение охоты, не подрывающей продуктивности охотничьих угодий за счет объединения соратников, совместно несущих ответственность за общее дело. В его ряды могли вступать все трудящиеся, достигшие 16 лет. Но за них должны были поручиться два члена общества со стажем, и прием должен был производиться публично на общем собрании охотничьего коллектива [2].

Разработанная вскоре Инструкция по охотничьему хозяйству Енисейской губернии требовала создавать в каждом городе и в каждой волости первичные ячейки общества численностью не менее 25 человек с обязательной регистрацией в губернском земельном отделе. Члены общества обязаны были получать членские билеты, дававшие право на обладание оружием, и приобретать промысловые свидетельства на право охоты, за которые нужно было платить по сто рублей. Инструкция гласила, что охота ради развлечения и спорта не допускается. Разрешалась трудовая охота для обеспечения семей охотников мясом, шкурами и другой продукцией для бытовых надобностей и промысловая охота с целью реализации профессиональными охотниками добытой продукции. Инструкция также предусматривала проведение охоты в научных целях и охоты для защиты населения от диких зверей [3].

Многочисленные эксперименты в центре и на местах по созданию охотничьих организаций и регулированию деятельности охотников, проводимые в разных регионах страны, привели к преобразованию

достаточно формального Всероссийского союза охотников во Всероссийский производственный союз охотников (ВПСО). Он рассматривался как объединение людей, для которых охота была либо средством к существованию, либо источником дополнительного дохода для семейных нужд. В августе 1921 г. Устав новой организации был зарегистрирован в Центральном управлении по делам охоты Народного комиссариата земледелия РСФСР. Союз должен был работать под общим руководством Центрального управления по делам охоты, объединять всех охотников страны, обеспечивать их оружием и боеприпасами, регистрировать оружие. Он имел монопольное право разверстывать среди них государственные задания по заготовке пушнины, мяса диких животных и птицы [4]. Таким образом, ВПСО создавался как часть государственной системы объединения охотников и управления охотничьим промыслом. Союз охотников имел налоговые льготы и уплачивал производственный налог в уменьшенном размере. При ЦК Всероссийского производственного союза охотников была создана и работала центральная секция рыбаков.

На завершающем этапе Гражданской войны в Сибири было создано региональное управление по делам охоты, которое получило официальное название «Сибохота» и было подчинено вышеназванному центральному правлению. После открытия в октябре 1922 г. Сибирской областной конторы этого союза в регионе завершилось оформление вертикали государственного управления охотничьей деятельностью. Для налаживания оперативной связи между ЦК ВПСО и его сибирскими организациями была учреждена должность уполномоченного ВПСО по Сибири [5].

В Енисейской губернии, так же как и по всей стране, были созданы первичные организации охотников, а в ряде случаев и рыбаков. Однако, по невыясненным нами обстоятельствам, в губернии, единственной в Сибири, даже к лету 1923 г. не было губернского отдела Всероссийского производственного союза охотников. Его отсутствие осложняло проблему налаживания охотничьего промысла и заготовки пушнины. В губернии не был налажен учет добываемой пушнины. Имелись только частные оценки её добычи по отдельным населенным пунктам. Согласно некоторым из них, в приангарской деревне Бедова в сезон 1922–1923 гг. было добыто около ста тысяч белок, из которых почти семьдесят тысяч были реализованы неизвестным покупателям [6, с. 137].

Сибирская областная контора ВПСО, не имевшая связи с охотничьими коллективами губернии, вынуждена была просить начальника Енисейского губернского управления по делам охоты И.Н. Шухова взять на себя инициативу по созыву губернского съезда союза охотников [7]. В результате в начале июля 1923 г. в Красноярске был проведен первый съезд охотничьих организаций губернии, на котором было принято решение о создании Енисейского губернского союза охотников на условиях Устава ВПСО, который объединил 2500 членов. Была налажена связь губернского отдела с Всероссийским и Сибирским центрами ВПСО и уполномоченным этой организации в Новониколаевске [8].

В период борьбы с остатками белого движения и крестьянскими выступлениями высшее руководство страны пыталось использовать возможности Центрального управления по делам охоты Наркомата земледелия и первичных организаций охотников для установления контроля за наличием у населения и оборотом огнестрельного оружия. Так, осенью 1920 г. Реввоенсовет республики поручил окружным военкомам изъять у населения незарегистрированное огнестрельное оружие. Он возложил на губернские управления охоты ответственность за изъятие оружия, боеприпасов, орудий лова у всех учреждений, организаций, союзов и кооперативов за исключением самих управлений и подчиненных им губернских, уездных и волостных организаций Союза охотников. Региональным организациям управления было дано право решающего голоса при определении категорий населения, которым в порядке исключения оружие оставлялось. Одной из таких категорий являлись промысловые охотники [9].

Попытки государства поставить под контроль огнестрельное оружие не давали быстрого эффекта, так как за годы Гражданской войны на руках у населения оказалось огромное количество оружия и многие граждане в условиях политической нестабильности и разгула преступности не спешили с ним расставаться. Командующий Ачинско-Минусинским боевым районом в начале февраля 1923 г. вынужден был дать охотникам подконтрольного ему района месячный срок на получение документов на право охоты и хранение огнестрельного оружия через вступление в трудовые и промысловые артели. По истечении предоставленного времени командиры отрядов боевого района должны были провести его безоговорочное изъятие [10].

Этому противились местные органы советской власти, которые несли ответственность за заготовку пушнины, являвшейся одним из важнейших экспортных ресурсов страны. Они вынуждены были выбирать приоритеты с учетом хозяйственных интересов, находившихся в сфере их ответственности. В частности, Сибревком, рассмотрев в феврале 1923 г. вопрос «Об урегулировании охотничьего промысла в Сибири»,

запретил губисполкомам изымать охотничье оружие без вынесения судебного приговора и поручил им не препятствовать торговле охотничьим оружием и боеприпасами [11]. Народный комиссариат земледелия РСФСР в целях снабжения охотников страны оружием создал торговое бюро «Центрохота», которое занималось поставками оружия, боеприпасов и снаряжения по заказам охотников и охотничьих организаций [12].

Наряду с мерами по объединению и снабжению охотников сибирские губернские организации ВПСО занимались упорядочением охотничьего промысла. Весной 1923 г. по поручению Сибирского земельного управления они пытались контролировать соблюдение сроков весенней охоты на селезней. Недалеко от Красноярска был создан заказник по сохранению боровой дичи. Они направляли в первичные организации литературу по проблемам улучшения охотничьего промысла. В 1923 г. на складе Сибирской областной конторы ВПСО имелись книги: Д.К. Соловьева «Что такое охотничье хозяйство», Г.Г. Доппельмайера «Очерк германского охотничьего хозяйства», Д.А. Миловановича «Звероводство», а также большое количество периодических изданий досоветского и советского периодов [13]. В этом же году в Красноярске была издана «Справочная книжка Енисейского Г.С.Н.Х.» со статьями А.А. Савельева и П.В. Тюрина о состоянии и перспективах охотничьего и рыболовного промысла в Енисейской губернии, а в начале 1924 г. в Новониколаевске вышла брошюра Ю.А. Кудрявцева «К судьбе охотничьего хозяйства Сибири» [14]. В 1924 г. Сибирский краевой промысловый союз охотничьих и интегральных кооперативов начал издание ежемесячного иллюстрированного журнала «Охотник и пушник Сибири», что позволило ему наладить прямую и обратную связь с промысловиками региона.

Однако Всероссийский производственный союз охотников, созданный вскоре после окончания Гражданской войны, плохо адаптировался к реалиям новой экономической политики. В новых условиях, когда на первое место вышла заготовка и продажа пушнины, он фактически утратил монополию на скупку пушнины и снабжение охотников оружием и боеприпасами. В результате, по утверждению ЦК ВПСО, уже весной 1923 г. появились первые симптомы, свидетельствующие о начале внутреннего распада организации. Они выражались в прекращении уплаты членских взносов, сепаратизме региональных организаций и выходе охотников из них. Этому также способствовала отмена обязательного членства охотников во Всероссийском производственном союзе охотников [15]. Была упрощена процедура приобретения охотничьего оружия, при которой не только члены охотничьих обществ, но и члены профсоюзов, охотники-любители получали возможность приобретать до пяти ружей и пяти единиц холодного оружия. Разрешения на приобретение в Красноярске давала губернская администрация, а в уездах – уездное управление милиции [16].

В целях спасения охотничьего союза его руководство предлагало восстановить утраченную монополию и признать его единственным всероссийским объединением охотников, имеющим исключительное право на производство охоты, контроль за хранением и использованием охотничьего оружия [17]. Для того чтобы удержать в своих руках снабжение охотников боеприпасами, ЦК ВСПО наладило производство дробы на арендованном дроболитейном заводе в Петрограде. Для вовлечения союза в коммерческую деятельность его руководство, совместно с Наркоматом земледелия, в сентябре 1923 г. учредило Акционерное общество внутренней и внешней торговли продуктами охоты «Торгохота», пайщиками которого должны были стать все члены ВПСО [18]. Но уже через полгода руководство союза приняло решение о выходе из «Торгохоты», так как это акционерное общество сделало акцент на скупке и реализации пушнины и уклонялось от реализации функций, которые уставом были возложены на Всероссийский производственный союз охотников.

В конечном счете руководство союза вынуждено было адаптировать всероссийскую организацию охотников к новым условиям. Осенью 1923 г. Всероссийский производственный союз охотников был реорганизован на кооперативных началах и получил название Всероссийского кооперативно-промыслового союза охотников (Всеохотсоюз). Согласно его Примерному уставу, каждый член местной организации союза должен был платить не только членские, но и паевые взносы. Как член кооператива он был обязан продавать продукцию своей охотничьей деятельности только своему товариществу, за исключением той части, которая шла на потребление его семьи. А само товарищество обязано было иметь основной, паевой, запасной и специальный капиталы. Каждый охотник имел право приобретать до 50 паев и получать на них начисления по итогам хозяйственного года [19].

В Енисейской губернии соответственно был учрежден Енисейский губернский кооперативно-промысловый союз охотников, который имел 30 отделений и к осени 1924 г. насчитывал в своих рядах почти 11 тысяч членов [20]. Вероятно, фактическая их численность была несколько больше, так как в архивных материалах не приведены цифровые данные по нескольким функционирующим отделениям. Коренному населению особо важных промысловых районов, к которым Наркоматом земледелия были отнесены

Республика Якутия, Обдорский край, Березовский, Сургутский, Тобольский уезды Тюменской губернии и Туруханский край Енисейской губернии, было дано разрешение заниматься охотой без вступления в ячейки Всекохотсоюза и получения охотничьих билетов. Оно также было освобождено от сбора налогов [21].

Учитывая проблему нехватки наличных денег для большинства сибирских охотников, членские взносы предлагалось собирать беличьими шкурками из расчета один рубль за две белки. В резолюции совещания Алтайского, Енисейского, Иркутского, Новониколаевского, Омского и Томского отделений Всекохотсоюза была рекомендована формула перевода цены шкурок всех пушных зверей на «беличий эквивалент». Например, шкурка колонка по цене приравнивалась к трем белкам, волка к семи, а красной лисы – к двадцати белкам. Причем Красноярскому отделу общества предписывалось всю собранную пушнину немедленно высылать посылками в адрес его сибирской областной конторы. А на деньги, собранные в счет членских и паевых взносов, во избежание их потерь на изменениях денежного курса рекомендовалось скупать пушнину по предложенному «беличьему эквиваленту» [22].

Всекохотсоюз пытался продолжать работу, начатую Всероссийским производственным союзом охотников по рациональному использованию и воспроизводству охотничьих ресурсов, оптимизации охотничьего промысла, воспитанию охотников страны. Им делались попытки организации заповедных территорий. В мае 1924 г. Иркутский губернский отдел Всекохотсоюза предложил Красноярскому губернскому отделу совместно заняться воссозданием организованного еще до революции Саянского соболиного заповедника и начать переговоры по этому вопросу с Наркоматом земледелия [23]. Енисейским губернским отделом союза были предприняты меры по организации мараловодческих хозяйств [24].

Однако эффективность деятельности отделений Всекохотсоюза была невысокой. Каждый шаг в его деятельности требовал большого количества согласований в различных управленческих структурах. Он фактически утратил прежнюю монополию на снабжение охотников оружием и боеприпасами. К поставкам оружия подключилось большое количество государственных предприятий и частных лиц. Только с февраля по май 1924 г. в его Енисейский губернский отдел с предложениями о поставках оружия и боеприпасов обратились правление Акционерного общества «Торгохота», Всероссийский кооперативно-производственный союз рыбаков, заводоуправление Ленинградского дроболитейного завода, тульский предприниматель Л.И. Кузнецов и другие частные торговцы. Для выполнения заказа они требовали предоплату, составлявшую 50–60 % от его стоимости.

Конкурирующие организации ЦАТО и Губсоюз не только завышали закупочные цены на пушнину, но и занимались заготовками в северных районах, которые первоначально входили в сферу ответственности Енисейского губернского охотничьего союза. За право проведения закупок боролись такие организации, как Хлебопродукт, Кожсиндикат, Сибкрайсоюз, Госторг и другие. Некоторые из них получали поддержку от общесибирских органов управления. Они не только завышали закупочные цены, но и, бесконтрольно продавая оружие, способствовали развитию браконьерства. В этих условиях правление Енгуохотсоюза было вынуждено обратиться в губернское управление внутренней торговли с просьбой о защите от недобросовестной конкуренции со стороны ЦАТО и Губсоюза и создании равных условий на пушном рынке [25].

Снижение уровня государственного контроля в сфере закупок продукции охотничьего промысла привело к настоящей вакханалии на рынке пушнины. Её скупкой стали заниматься бывшие купцы и новые нэпманы, а также многие русские крестьяне, жившие на севере. В Туруханский край вернулись изгнанные отсюда енисейским губернатором еще в царский период за грабеж коренных народностей севера купцы Колмаков и Акулов [26]. На севере были возрождены практика предоставления охотникам «обстановки» и «алкогольные технологии» скупки пушнины.

В связи с возрастанием на пушную продукцию цен на мировом рынке к её скупке в Сибири подключились предприниматели из других регионов страны. Так, летом 1924 г. торговцы из Ташкента на территории от Читы до Красноярска скупали более двухсот тысяч шкурок летней белки. За невыходную шкурку, которая на местном рынке стоила от пяти до десяти копеек, они платили охотникам более сорока копеек. Это вызвало невероятное распространение браконьерства в регионе и обернулось фактическим истреблением этого ценного пушного зверька [27].

Всекохотсоюз не мог реально противодействовать истреблению пушных зверей, так как Сибирское земельное управление еще в период существования ВПСО передало функцию борьбы с браконьерством милиции и лесной страже, которая подчинялась управлению [28]. В новых условиях Наркомат земледелия перешел к вооружению лесной стражи и выдаче премий её сотрудникам за оформление протоколов на нарушителей [29].

Недополучая на рынке ценной пушнины, Енгуохотсоюз находился в тяжелом финансовом положении. Полученное им задание на заготовку в охотничий сезон 1924–1925 гг. более миллиона пар дичи

не могло его исправить. Выполнение этого задания технически было возможно при вполне приемлемых ценах в 30 копеек за пару куропаток, 35 копеек за пару рябчиков и 45 копеек за пару тетеревов. Но проблема заключалась в том, что значительного спроса на эту продукцию ни за пределами губернии, ни за рубежом не было.

В результате недееспособности первичных организаций Всеохотсоюза, отсутствия у них средств, наличия большого количества конкурентов в поставках оружия, боеприпасов, закупке пушнины возник вопрос о целесообразности оставаться в рядах этой организации, что вызвало массовый выход её рядовых членов. Так, из Нижнеингашского районного отделения союза, объединявшего 230 членов, вышло почти 70 % его состава [30]. Подобная ситуация была характерна для большинства отделений союза.

В поисках выхода из неё правление Енгубохотсоюза поставило вопрос о самостоятельном выходе на мировой рынок пушнины. Оно предлагало охотникам сдавать пушнину с выплатой им половины стоимости сразу после её комиссионной оценки и выплатой второй половины после реализации пушнины. Такой подход был вполне логичен для Енгубохотсоюза, но он противоречил интересам государственных внешнеторговых органов и конкурирующих организаций. Возникший конфликт был ликвидирован в ходе проведения административно-территориальной реформы, по которой Енисейская губерния была ликвидирована с разделением её на Красноярский, Канский и Минусинский округа. В связи с этим в марте 1925 г. было принято решение о ликвидации и Енисейского губернского кооперативно-промыслового союза и реорганизации его Красноярского, Канского и Минусинского отделений в самостоятельные союзы с правом юридического лица [31].

Судя по архивным документам, Красноярский окружной производственно-кооперативный союз охотников (Красохотсоюз), который входил в Сибирский краевой союз охотников (Сибкрайохотсоюз), состоял из Красноярского, Ключевенского (Манского), Казачинского, Даурского, Енисейского товариществ. Красноярское товарищество в 1926 г. объединяло 2300 охотников из Центрального, Сухобузимского и Большемурутинского районов. В Ключевенское товарищество входили около 1300 охотников из Манского, Перовского и Уярского районов. Всего по округу было учтено 12664 охотника, из которых 7173, или почти 57 % от общего числа, являлись членами охотничьих кооперативных товариществ [32, с. 113].

Красохотсоюз принимал меры по укреплению материально-технической базы входивших в него товариществ за счет предоставления им ссуд из кредитов, полученных по линии Сельхозбанка. В 1926/1927 хозяйственном году на эти цели было направлено более 17000 рублей. Заготовительные пункты Красохотсоюза строились по географическому принципу. Центральный заготовительный пункт со сбытом охотничьей продукции в Красноярске обслуживал охотников Красноярского товарищества. Северный, со сбытом в Енисейске, – охотников Енисейского товарищества. Южный, со сбытом в Балахте, – охотников Даурского товарищества. Восточный, со сбытом в с. Уярское, – охотников Ключевенского товарищества [32, с. 113].

Принятые меры позволили увеличить заготовку и закупку пушнины на территории, подконтрольной Красохотсоюзу. Сравнение данных о заготовке пушнины за первый квартал (сентябрь–декабрь) 1926/1927 г. и 1927/1928 хозяйственного года свидетельствует о том, что за прошедший год заготовки всех видов пушнины возросли с 63 тыс. до 195 тыс. шкурок. Однако в общем объеме заготовок преобладали шкурки белки, которые соответственно составляли 56290 и 174473 штуки. А распространенные ранее лиса и соболь теперь стали большой редкостью. В указанные периоды было добыто 24 и 51 шкурки лисицы и 12 и 42 шкурки соболя. Такая ситуация явилась следствием хищнического промысла как в досоветский, так и советский период [33].

В условиях нарастающих потребностей в валютных поступлениях для форсированной индустриализации Сибкрайисполком в секретных распоряжениях 1928–1930 гг. требовал от окружных отделений Сибкрайохотсоюза беспрекословного выполнения планов заготовки пушнины, её круглосуточной отгрузки и доставки в Новосибирск по защищенным каналам отделов ГПУ. Для активизации скупки пушнины предписывалось организовывать работу заготовительных пунктов во всех крупных населенных пунктах, увеличивать численность скупщиков, работающих на комиссионных началах, и выделять заготовителям товары, которые пользовались повышенным спросом у сдатчиков пушнины. Крайохотсоюз обещал руководству окружных союзов оспаривать претензии органов охраны труда по поводу сверхурочных и ночных работ по отгрузке пушнины [34]. Для того чтобы выполнить план заготовок, правление Красохотсоюза в начале 1928 г. обратилось в окружное управление торговли с просьбой повысить бонус охотников от сдаваемой ими пушнины с 5 до 20 % от уровня синдицированных цен на неё [35]. Без этого в условиях сокращения численности пушных зверей в округе невозможно было выполнить план, установленный Сибирским крайисполкомом.

Нагрузка на заготовителей постоянно возрастала в связи с тем, что органы, отвечающие за внешнюю торговлю, активно работали над выявлением потребностей западных стран в сырье из Советского Союза. Так, в декабре 1929 г. закупочным системам Колхозсоюза и Сибирского полеводческого союза было поручено закупать у населения и организаций пушнину кошек, собак, кроликов, сусликов и хомяков, а также рога, копыта, кости, перо, пух, речные водоросли, грибы сморчки, муравьиные яйца, корни одуванчиков, растения белладонны и валерианы [36]. В январе 1930 г. к закупкам вышеназванных видов сырья были допущены и заготовительные организации Сибхотсоюза. До них был доведен план заготовки 100 т консервированных таежных ягод и 20 тыс. т речных водорослей [37].

Однако закупочные операции, которые велись с кооперативами и частными лицами, в значительной степени зависели от их реальных возможностей и материальной заинтересованности. Заготовительные организации, конкурируя друг с другом, постоянно переманивали сдатчиков пушнины и других видов экспортного сырья. Выполнение планов заготовок нередко срывалось. Поэтому государство в сфере охотничьего и рыболовного промыслов сделало ставку на создание колхозов, которые были бы вмонтированы в систему плановой экономики страны и несли бы ответственность за выполнение плановых заданий.

В январе 1930 г. партийная организация правления Красохоты, следуя курсу, провозглашенному на высшем партийном уровне, поставила задачу за два года провести преобразование охотничьих и рыболовных кооперативов в комплексные производственные коллективные хозяйства на основе артелей. Эти колхозы должны были наладить промысел в малодоступных районах и начать создание звероводческих ферм и хозяйств, компенсирующих сокращение пушных зверей в дикой природе. Для выполнения поставленной задачи было предложено провести полную перерегистрацию пайщиков охотничьих кооперативов, вовлечь в них индивидуальных охотников и очистить кооперативы от кулацких элементов. Для того чтобы заинтересовать охотников в увеличении численности охотничьих зверей и животных, сохранении и повышении их продуктивности, было предложено передать кооперативам охотничьи угодья и функцию борьбы с браконьерами, изъяв её из ведения лесничеств. Работу по преобразованию кооперативов в колхозы планировалось вести под руководством партийных организаций [38].

Провозглашенная в стране политика ликвидации кулачества как класса обусловила принятие в феврале 1930 г. распоряжения Сибкрайохотсоюза о конфискации у кулаков и лиц, лишенных избирательных прав, огнестрельного и холодного оружия, оленей, охотничьих собак, неводов и других орудий охоты и рыбной ловли. Конфискованное имущество и паевые взносы кулаков и лишенцев должны были использоваться для укрепления материальной базы кооперации [39]. Для недопущения вооруженного сопротивления лиц, недовольных проведением политики коллективизации, был ужесточен контроль за хранением оружия и боеприпасов. Торговыми организациями предписывалось согласовывать списки покупателей с местными отделениями ГПУ.

Ускоренная зачистка кооперации от «кулацких элементов», в свою очередь, лишила охотничьи и рыболовецкие кооперативы рабочей силы, необходимой для выполнения спущенных сверху планов заготовок. В этих условиях Сибкрайисполком вынужден был временно скорректировать курс на ликвидацию кулачества как класса. Он не рискнул возвращать оружие кулакам и лишенцам, но разрешил выдавать им временные билеты на право ведения рыбного промысла. А Красноярский окружной комитет ВКП (б) запретил во время проведения весенне-летней путины 1930 г. исключать членов кооперативов без подыскания им замены [40].

В результате целенаправленной политики коллективизации в 1930–1932 гг. в Сибирском регионе были созданы охотничье-промысловые колхозы, а в некоторых колхозах, специализировавшихся на сельскохозяйственном производстве, были организованы бригады охотников или рыбаков. Заготовка пушнины и других видов экспортного сырья стала строиться на контрактной основе, при которой у заготовительных организаций и колхозов устанавливались взаимные обязательства. Это создавало определенные гарантии выполнения планов добычи и заготовки экспортного сырья [41]. Закрепление за колхозами охотничьих угодий создавало условия для проведения работ по их охотустройству, охране и воспроизводству охотничьих ресурсов.

В связи с созданием охотничьих колхозов и разделением процесса добычи и скупки пушнины система промысловой кооперации в стране была ликвидирована, и с апреля 1934 г. Всеохотсоюз прекратил своё существование. Для закупки пушнины в Восточно-Сибирском крае была организована Восточно-Сибирская краевая контора по заготовке пушнины «Востсибзаготпушнина». В её системе была создана Красноярская товарная база по заготовке пушнины и мехового сырья. Приказ управления «Востсибзаготпушнины» от 25 мая 1934 г. предписывал преобразовать хозрасчетные отделения бывшего Сибкрайохотсоюза в районные

заготовительные конторы, а отделения, которые не могли работать на принципах хозрасчета, – в заготовительные пункты [42].

На территории будущего Красноярского края, созданного в декабре 1934 г., были организованы Ачинско-Саянская, Абаканская, Балахтинская, Большемурутинская, Енисейская, Ирбейская, Канская, Казачинская, Красноярская, Манская, Тасеевская и Уярская районные заготовительные конторы. А на территории, традиционно тяготеющей в административном отношении к Иркутску, созданы Иркутская, Братская, Зиминская, Жигаловская, Качугская, Нижнеудинская, Слюдянская, Тайшетская, Тулунская, Черемховская и другие конторы Красноярской товарной базы «Востсибзаготпушнины». В Восточно-Сибирском крае работали также Читинская областная контора и Бурят-Монгольский филиал «Востсибзаготпушнины» [43].

Помесячные эксплуатационные балансы Красноярской товарной базы за 1934–1937 гг. свидетельствуют о том, что руководство конторы занималось не только закупкой пушнины и мехового сырья, но и уделяло большое внимание снабжению охотников оружием, боеприпасами, орудиями лова. Особую категорию в эксплуатационных балансах составляли стимулирующие товары, к которым относились дефицитные в то время велосипеды и радиоприемники [44].

Таким образом, организация охотников и система заготовки пушнины прошли в своём развитии несколько этапов: от попытки создания особых пролетарских организаций до Всероссийского кооперативно-производственного союза охотников, адаптированного к новой экономической политике, и создания специальных охотничьих колхозов, работающих в рамках плановой экономики. Это было обусловлено потребностями государства в валютных поступлениях от экспорта пушнины и других видов природного сырья и привело к формированию новой системы с разделением функциональных обязанностей, в которой колхозы занимались добычей пушнины, а специальные государственные организации её закупкой.

Литература

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК) Ф.Р-963. Оп. 1. Д. 16. Л. 357.
2. ГАКК. Ф.Р-963. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.
3. ГАКК. Ф. Р-963. Оп. 1. Д. 16.
4. ГАКК. Ф. Р-963. Оп. 1. Д. 16. Л. 357.
5. ГАКК. Ф. Р-963. Оп. 1. Д. 7. Л. 12.
6. Савельев А.А. Пушной промысел Енисейской губернии // Справ. книжка Енисейского Г.С.Н.Х. – Красноярск: Гос. тип., 1923.
7. ГАКК. Ф. Р-963. Оп. 1. Д. 7. Л. 34.
8. ГАКК. Ф. Р-963. Оп. 1. Д. 16. Л. 358.
9. ГАКК. Ф. Р-963. Оп. 1. Д. 1. Л. 4, Л. 7.
10. ГАКК. Ф. Р-963. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–2.
11. ГАКК. Ф. Р-963. Оп. 1. Д. 7. Л. 8–10.
12. ГАКК. Ф. Р-963. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.
13. ГАКК. Ф. Р-963. Оп. 1. Д. 7. Л. 15.
14. ГАКК. Ф. Р-963. Оп. 1. Д. 16. Л. 24.
15. ГАКК. Ф. Р-963. Оп. 1. Д. 7. Л. 41; Д. 16. Л. 358.
16. ГАКК. Ф. Р-963. Оп. 1. Д. 19. Л. 14.
17. ГАКК. Ф. Р-963. Оп. 1. Д. 7. Л. 18.
18. ГАКК. Ф. Р-963. Оп. 1. Д. 7. Л. 49.
19. ГАКК. Ф. Р-963. Оп. 1. Д. 16. Л. 297–298.
20. Посчитано по: ГАКК. Ф.Р-2963. Оп. 1. Д. 31. Л. 49.
21. ГАКК. Ф. Р-963. Оп. 1. Д. 7. Л. 31.
22. ГАКК. Ф. Р-963. Оп. 1. Д. 7. Л. 20–22.
23. ГАКК. Ф. Р-963. Оп. 1. Д. 16. Л. 256.
24. ГАКК. Ф. Р-963. Оп. 1. Д. 76. Л. 316.
25. ГАКК. Ф. Р-963. Оп. 1. Д. 31. Л. 9.
26. ГАКК. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 13. Л. 33.
27. ГАКК. Ф. Р-963. Оп. 1. Д. 16. Л. 378.
28. ГАКК. Ф. Р-963. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
29. ГАКК. Ф. Р-963. Оп. 1. Д. 19. Л. 29.

30. ГАКК. Ф. Р-963. Оп. 1. Д. 19. Л. 29.
31. ГАКК. Ф. Р-963. Оп. 1. Д. 31. Л. 201.
32. Охота и пушная промышленность // Сельское и лесное хозяйство Красноярского округа: сб. стат. / под ред. И.С. Дмитриева, В.П. Косованова. – Красноярск, 1927. – 136 с.
33. Посчитано по: ГАКК. Ф.Р-1453. Оп. 1. Д. 15. Л. 32, 113.
34. ГАКК. Ф.Р-1453. Оп. 1. Д. 25. Л. 24, 33, 79.
35. ГАКК. Ф.Р-1453. Оп. 1. Д. 22. Л. 12.
36. ГАКК. Ф.Р-1453. Оп. 1. Д. 25. Л. 44.
37. ГАКК. Ф.Р-1453. Оп. 1. Д. 25. Л. 115.
38. ГАКК. Ф.Р-1453. Оп. 1. Д. 25. Л. 37, 38.
39. ГАКК. Ф.Р-1453. Оп. 1. Д. 25. Л. 41.
40. ГАКК. Ф.Р-1453. Оп. 1. Д. 25. Л. 70, 71.
41. Сибирская советская энциклопедия: в 4 т. – Т. 4. О-П. – С. 207–210.
42. ГАКК. Ф.Р-1535. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
43. ГАКК. Ф.Р-1535. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 15.
44. ГАКК. Ф.Р-1535. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 2, 100, 106.

